

РЭЦЭНЗИИ

О МЕНТАЛЬНОСТИ ИСТОРИКА: РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ПОЛЯХ ОДНОЙ СТАТЬИ

Я. Г. Риер

доктор исторических наук, профессор

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В рецензии анализируется статья философа В.Ю. Даренского "Константы русского социального идеала и их исторические основания" (История и современность. 2015. № 1. С. 63--80). Обращено внимание на то, что вместо анализа истоков русского социального идеала, основное внимание в статье уделено формулировкам сущности этого явления. А рассмотрение исторических корней русской "особости" подменено уже ставшим трюизмом сопоставлениями с усредненным и упрощенно понимаемым человеком Запада.

Речь пойдет о статье кандидата философских наук, доцента, соискателя Института философии Национальной академии наук Украины В.Ю. Даренского об исторических корнях русского социального идеала, недавно опубликованной в высокорейтинговом российском журнале [1]¹.

Проблема, рассмотренная автором статьи, в последнее время по понятным причинам приобрела злободневность, причем не только в российской литературе. Луганский ученый задает целью рассмотреть формирования русского социального идеала. Под ним автор понимает "опыт самой исторической реальности, только очищенный от его случайных и привходящих элементов, лишь затемняющих суть. В основе этого идеала, таким образом, лежит особый архетип социальности, воспроизводящийся в различных формах в разные исторические эпохи и обеспечивающий успешное жизнетворчество народа. Таким архетипом для России было и остается выживание в условиях перманентной внешней агрессии и скудной природы благодаря особой культуре взаимопомощи ("общинности") и культуре нестяжательства (приоритет духовного над материальным), которые, в свою очередь, вместе с историческим опытом определяли и особое отношение народа к Российскому государству" [1, с. 64]. С этим суждением вполне можно согласиться. Особенно, учитывая континентальность климата и бедность почв российского Нечерноземья.

И далее автор приводит литературные примеры из путевых заметок, записок, диалогов, суждений некоторых посетивших Россию иностранцев, а также отдельных российских философов о ментальности русского социума, которыми подтверждает и дополняет выше приведенную формулировку. Не буду злоупотреблять цитатами и отсылаю заинтересовавшего читателя к самой статье, доступной и в электронном виде на сайте Института социологии РАН (страница журнала "История и современность") [2].

---

¹ По утверждению основателя и редактора журнала "История и современность", профессора Э.С. Кульпина, в 2013 г. он занял третье место по цитируемости среди исторических журналов в России.

В принципе, эти суждения “о русском характере и миропонимании” известны. Однако мои комментарии вызваны тем, что подбором соответствующих цитат Виталий Юрьевич вступил в противоречие с провозглашенной им же задачей рассматриваемой статьи, в которой “предпринята попытка реконструкции ключевых компонентов русского социального идеала в историческом контексте”. И далее: “Исследование специфики любого национального социального идеала может идти двумя путями: либо исходя из отражения этого идеала в национальной культуре – в философии и художественной литературе; либо исходя из анализа реальных исторических форм национальной жизни, их характерных особенностей... Первый подход более распространен, но второй более ценен, поскольку позволяет обнаружить те «секреты» национального опыта, которые сейчас особо востребованы, поскольку и ныне выживание и историческое творчество народа очень трудны. В данной статье автор идет вторым путем...” [1, с. 64].

Но на деле автор пошел именно первым путем – набором литературных примеров, а не анализом историко-географических условий, сформировавших именно русский генотип и характер. Лишь упомянув о сложных природных особенностях, он переходит к описанию уже сложившихся черт русского характера, комментируя их сопоставлением с человеком Запада, в чем автор, заметим, далеко не оригинален.

Он пишет: “На основе русского социального идеала выработывалась и четкая модель личностного развития: личность здесь – это способность человека к служению людям и душевной открытости. Для сравнения, на Западе личность – это способность человека к самоутверждению за счет других (стяжательство и эгоцентризм). Соответственно развитие государства на Западе – это экспансия, колонизация как эксплуатация других народов. Наоборот, Российское государство росло за счет мирного заселения земель и взаимовыгодного симбиоза с другими народами, ни один из которых не только не погиб (как это стало с аборигенами Америки и Австралии), но лишь получил новые, максимально благоприятные условия для развития” [1, с. 65].

Вспоминается приведенное кем-то из журналистов замечание китайского таможенника, что для него все европейцы – на одно лицо. Так и здесь автор не выходит за рамки примитивных стереотипов об усредненном западном человеке. Спорить с этим не имеет смысла. Прокомментируем лишь исторические неточности. Рост российского государства также не всегда был мирным и дружелюбным симбиозом с соседями. Вспомним захват Казани (откуда и выражение “сирота казанская” – взрослых вырезали), кавказские войны... Примеров pro и contra можно надергать массу. Анализировать надо бы контекст. Россия росла, прежде всего, в иную среду – в слабо заселенные соседние земли на севере, востоке и юге. Западноевропейские страны в силу своего расположения, навоевавшись с равными по силе соседями, открыли для себя дальние земли. В итоге те оставались именно обособленными колониями, а Россия колонизованными территориями прирастала, присоединяла и создавала единое социополитическое пространство. Отсюда и иные формы эксплуатации. Тему можно развивать, однако автор ограничился лишь внешними, причем, как видно, неточными признаками, без анализа причин возникавших различий.

Такой же подход проявлен и при рассмотрении национального самосознания. “Важно понимать, что «родовое» сознание и восприятие социума как «большой семьи» было у всех народов, но только в догосударственный период их жизни, а затем быстро вытеснялось гражданско-правовыми отношениями и структурами. В России же, в силу особо суровых условий исторической жизни и

глубокой христианизации нравственного сознания народа, возможного только в лоне православия, новые государственные отношения не только не разрушали «семейное» самосознание народа, но наоборот, усиливали его... Сфера формально-правовых отношений в России развивается уже много веков, но она всегда имела лишь «надстроечный» характер и не подменяла собой подлинные человеческие отношения, как это происходило на Западе» [1, с. 67].

Напрашивается естественный для историка вопрос: а почему так получилось, что в отличие от *всех народов*, особенно от *западных соседей*, именно в российском социуме сохранились патриархальные отношения? Ссылка на наличие «*особо суровых условий исторической жизни*» явно недостаточна, ибо практически любой народ может найти в своей истории *особо суровые условия*. Действительно, географический фактор сыграл, пожалуй, решающую роль в русской самобытности. Но в него надо включать не только упомянутые климат и почвы, а также соседство степи – Дикое Поле с особым кочевым миром. А отсюда – длинная цепочка социо-экономических и природно-демографических факторов [Подробнее см.: 3–5].

Понятно, такой анализ изменил бы структуру статьи. Но тогда бы она и соответствовала той цели, которую для нее определил сам автор. Без указанного анализа последующие рассуждения лишь в очередной раз констатируют известное: «*Рецепция западных норм права, начиная с эпохи Петра I, поэтому всегда имела двойственный результат: с одной стороны, она отвечала объективным потребностям модернизации российского социума, но с другой – часто вступала в противоречие с его внутренними органическими традициями. Вследствие этого на уровне массового сознания вырабатывался определенный скепсис относительно эффективности и справедливости правовых норм как таковых, что явно выразилось, например, в известной русской поговорке: «Закон – что дышло, куда повернул – туда и вышло»*» [1, с. 67–68].

Автор объясняет такое неприятие формально-правовых норм западного атомизированного общества сохранением у русских *самосознания народа-семьи*. Но опять возникает вопрос, в чем причина различий, причем у соседей по континенту, даже у этнически родственных западных славян? Виталий Юрьевич, как и вообще сторонники «особости» России, подчеркивает роль православия. Но и тут вопрос: в чем причина восприятия восточными славянами именно греческого варианта христианства? Напомню, что при Кирилле и Мефодии византийское духовенство имело влияние и у западных славян – в первом у них государстве – Великоморавском княжестве и некоторое время в IX в. успешно соперничало с римским. Но потом все же было им вытеснено. Почему? Не в анализе ли этих коллизий внутри славянского мира лежат ответы на вопрос об особенностях восточнославянского психотипа и соответствующих поведенческих норм?

Без ответа все остальное в статье представляется недосказанным, как бы повисшим в воздухе. Хотя в констатациях особого характера русского социума с автором вполне можно согласиться: «*Это самосознание народа-семьи, сформированное особо суровыми условиями жизни, с одной стороны, и православным воспитанием народа – с другой, определяет и совершенно особое отношение народа к государству – именно как общему защитнику народа-семьи, без которого просто не выжить. Если западноевропейский обыватель не видел ничего страшного в смене своего подданства и гражданства, лишь подсчитывая свои выгоды или невыгоды от перехода в другое государство, то для русского человека все было совершенно иначе*» [1, с. 68–69]. Но в этой формулировке нет новизны. В русской публицистике это стало общим местом уже с XIX в. (некоторых авторов для подкрепления своих рассуждений упоминает и В.Д.).

Автор добавил, пожалуй, лишь опыт современных реалий: *«мобилизационный характер власти в России всегда делает российскую власть «монархичной» независимо от ее частной формально-юридической формы»* [1, с. 70]. Это – бесспорно! Из чего Виталий Юрьевич делает вполне злободневный вывод: *«Этой имманентной «монархичности» российской власти, в свою очередь, соответствует народная культура предельного доверия к власти, которая всегда оказывалась полностью оправданной и эффективной, поскольку привела русский народ к колоссальным успехам в строительстве государства, защите от внешних и внутренних врагов и способствовала созданию великой культуры. Катастрофы начались в XX в. именно потому, что сначала сам народ не проявил достаточной культуры доверия власти, поверив «революционерам»»* [1, с. 71].

Сопоставляя русское правовое сознание с западным, автор пишет: *«Западный социум отличает юридически четко регламентированная деятельность без крайностей «вольности» и мобилизации. Западный стиль власти построен по модели рынка: здесь власть – посредник в борьбе интересов, а политика – рынок оплаченных услуг. Для этого типа русский тип власти кажется «деспотичным», так как к власти применяется не русский принцип доверия, а рыночный принцип найма и контроля»* [1, с. 73]. Согласен².

Но почему так разошлись пути развития средневекового восточнославянского социума и его западных соседей? Точнее, почему у русских сохранились патриархальные черты общественных отношений, а западные «варвары», вышедшие из той же первобытной среды, изменили свои поведенческие установки? На мой взгляд, это связано, опять-таки, с географической средой, в которой формировался русский социум [Подробнее: 3, с. 65–97; 4; 6; 7]. Возможны и другие объяснения...

Но продекларированного в начале статьи исторического анализа и здесь нет! Как нет и в последующих рассуждениях автора о деспотизме и крепостничестве. Читаем: *«...тезис о «русском деспотизме» в сопоставлении с историей Западной Европы оказывается совершенно мифологическим»* [1, с. 73]. Обоснование этого мнения приведу целиком, ибо оно характеризует уровень исторических представлений автора. *«...пресловутое крепостное право – это европейский институт, пришедший в Россию в ходе ее вестернизации (в особо жесткой форме – с эпохи Петра I); в Западной Европе он возник намного раньше и существовал намного дольше, охватывая гораздо большую часть населения, чем в России, – и поэтому именно там, а отнюдь не в России, мог оказать намного более существенное влияние на национальный характер. Более того, сам этот институт в России сохранил свой изначальный нравственно-религиозный смысл – смысл службы государству, Отечеству, а значит, исполнения долга перед Богом, а не людьми. Кроме того, сам термин «крепостное право» крайне мифологизирован. Что за ним стояло в реальности? Только то, что из 40–50 рабочих дней в году 10–15 крестьянин работал на «барина», а весь остальной год (а это 300 дней!) был фактически предоставлен самому себе и обычно занимался частным промыслом. Для современного человека такое «крепостное право», скорее всего, показалось бы круглогодичным отпуском с небольшим перерывом»* [1, с. 74].

Здесь почти всё, кроме того, что действительно, крепостничество на Западе возникло раньше, мягко говоря, неточно. Во-первых, в странах Западной Европы крепо-

² Более того, к слову, считаю, что часто применяемый, особенно в чиновной среде рыночный термин *«образовательные услуги»* в корне неверен. Ибо знания – это не вещь с конкретными физическими параметрами, а интеллектуальный продукт нематериального характера, который впитывается в сознание человека, определяя его мировоззрение и поведение.

стничество исчезло к XV в. Во-вторых, крепостной, в отличие от подданного, служил не *государству*, а непосредственно своему господину, что на Западе, что в России. А то, что автор написал о службах русского крепостного, и есть та самая *мифологизация*, но с другим знаком. А о продаже крепостных “девок” и “парубков”, о холопстве, вытекавшем из крепостного состояния, автор забыл? Уход крестьян на промысел стал массовым именно после отмены крепостного права в России, т.е. лишь после 1861 г., а до того мог состояться только с дозволения помещика. Особенно, замечу, умилило сопоставление крепостничества с *круглогодичным отпуском!*

Наконец, после нескольких частных наблюдений автор переходит к причинам формирования русской специфики. Но ограничивается лишь указанием на тяжелые природно-климатические условия Восточной Европы, которые делали крестьянский труд малопродуктивным, что затрудняло функционирование государства, усиливало его роль в социуме и создало, в итоге, *мобилизационную экономику*. Впрочем, об этом уже писалось не раз, а недавно было обобщено в трудах российского историка, акад. Л.В. Милова, цитаты из которых привел автор на полутора страницах своего текста [1, с. 75–76].

А далее – вновь литературные рассуждения о русском характере. Здесь с автором вполне можно соглашаться. Но, опять, пока он не вспоминает о сравнении с Западом: в России были *“бунты нравственного чувства справедливости, а не прагматические бунты собственников или нищих, как в Европе”* [1, с. 77]. Не будем цепляться, хотя это и существенно, что автор отделяет Россию от Европы. Нельзя забывать, что формировалась Россия именно на европейском континенте, до Азии добралась лишь ближе к концу XVI в.

Но утверждать, что на западе Европы восстания возникали не из-за попираемой властью имущими *справедливости* (в понимании восставших) – грешить против истории. Вспомним, в Англии и в XIV, и в XVI вв. крестьяне выдвигали целые программы *справедливого переустройства мира*. И знаменитая французская Жакерия во второй половине XIV в. также была спровоцирована несправедливыми требованиями дворян к их крестьянам. А программы выступлений немецких крестьян в начале XVI в.? Приходится констатировать, что плохое знание истории так поверхностно критикуемого Запада лишь дискредитирует и другие, в том числе и вполне приемлемые аргументы Виталия Юрьевича.

Наконец, сомнительно выглядят и заключительные положения статьи. К ее теме, историческому анализу истоков русского социального идеала, они не имеют никакого отношения. Наоборот, уже без опоры на историю автор постулирует преимущества традиционного русского социума, провозглашая: *“Высшей целью общества является не экономическое развитие, а создание более сложного и содержательного типа личности. В этом отношении Россия как раз остается мировым лидером и является намного более развитой страной, чем страны Запада и быстро вестернизирующиеся страны Востока”* [1, с. 79].

То есть, резюмируя: Россия – это особый социум, для которого духовность выше современных мировых тенденций к обезличенной техногенной цивилизации, основанной на западной модели. И в этом ее преимущество. Такое мнение, естественно, имеет полное право на существование.

Но почему духовность должна противостоять естественному стремлению человека к достатку и комфорту, которые обеспечивает, все-таки, западное общество, раскрепощающее и поддерживающее творческие способности людей? Духовность, к сожалению, не подкрепленная развитой экономикой и налаженным бытом, не развивает креативность, а сводит всех людей к единым нормам

поведения, к общине, к единой морали и – в итоге – к прокрустову ложу однообразия, где главное – не высываться. А известное эмоциональное отношение к праву – путь к произволу, о котором у нас хорошо известно. Ибо, если нет общего для всех права, то защитить индивида могут только свои, но тогда и выделяться среди них нельзя. Кстати, это представление о мире господствовало и на Западе в средние века, до распространения предпринимательства, рыночных отношений и гуманистической философии.

И потом, почему-то не отдается отчет в том, что при всей обоснованности и привлекательности русского отношения к жизни, все то, что делает эту жизнь легче, удобнее, здоровее и дольше, приходило и приходит к нам все с того презренного, плохого Запада, в том числе и технологии, позволившие подготовить и рецензируемую статью, набранную на изобретенных вст там же клавиатуре и операционной системе, и высланной, вероятно, тоже через “ихнее” изобретение – интернет? Я уже не вспоминаю о мобильниках... И ведь не секрет, что многие россияне лучше проявляли и проявляют свои таланты там: вспомним хотя бы Зворыкина с телевидением, Сикорского с вертолетами, Сергея Брина с Гуглом, недавних нобелевских лауреатов по физике, бывших москвичей, а теперь жителей Англии и Нидерландов, где они и завершили свои разработки...

Вот бы и задаться вопросом: отчего *высокая духовность* не продуцирует соответствующий уровень материальной и интеллектуальной жизни? Именно в таком контексте, полагаю, имеет смысл сопоставление цивилизаций востока и запада нашего континента.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Даренский, В. Ю.* Константы русского социального идеала и их исторические основания / В. Ю. Даренский // История и современность. – 2015. – № 1. – С. 63–80 (http://www.isras.ru/History&Modernity_2015_01.html).
2. http://www.isras.ru/History&Modernity_2013_02.html
3. *Риер, Я. Г.* Цивилизации средневековья и начала нового времени: опыт структурного анализа / Я. Г. Риер. – Могилев, 2003. – 154 с.
4. *Риер, Я. Г.* Цивилизации средневековой Европы / Я. Г. Риер // Вестник Европы. – 2006. – Т. XIX–XX. – С. 165–187.
5. *Кульпин, Э. С.* Социоестественная история / Э. С. Кульпин. – Волгоград, 2014. – 336 с.
6. *Риер, Я. Г.* Климат и исторические процессы: по поводу исторических представлений проф. В.В. Клименко / Я. Г. Риер // Человек и природа в пространстве и времени / Серия Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России. Вып. XXXVI. – Москва : ИАЦ-Энергия, 2012. – С. 261–298.
7. *Риер, Я. Г.* В поисках исторических закономерностей / Я. Г. Риер // История и современность. – 2015. – № 1. – С. 42–62.

Поступила в редакцию 07.04.2015 г.

Контакты: rierg@mogilev.by (Риер Яков Григорьевич)

Riyer Y.G. CONCERNING HISTORIAN'S MENTALITY: REFLECTIONS ON THE MARGINS OF AN ARTICLE.

The review examines the article "Constants of Russian Social Ideal and Their Historical Grounds" by the philosopher V.Y. Darensky (Istoriya i Sovremennost (History and the Present). 2015. № 1. P. 63–80). Attention is drawn to the fact that instead of analysing the origins of the Russian social ideal, the article focuses on the definition of this phenomenon. The examination of the historical roots of the Russian "uniqueness" is substituted by its comparison with the average and simplistic understanding of a Western man which has already become a truism.